

Валерий КОНОВАЛОВ, «Известия»

Недавно по телевидению была премьера художественного фильма «По Муромской дорожке». В титрах среди прочих имен мелькнуло очень знакомое: композитор — Евгений Дога.

Многие это имя уже подзабыли. Хотя музыку его помнят, несмотря на обвал на наши головы новых песен, групп, музыкальных течений и новаций. Один только вальс из фильма «Мой ласковый и нежный зверь» достаточен для того, чтобы напомнить об этом композиторе любому человеку поколения старше 25, хотя у Доги много еще и другой отличной музыки разных жанров. Такие певички, как София Ротару и Надежда Чепрага, стали известными благодаря в существенной мере исполнению песен Доги.

И все-таки тот вальс — особенный. Как мне кажется, в нем сюжет самой жизни композитора. Помните томительно-тревожное движение, потом — взрыв чувств, отношений, и снова — пауза, снова — ожидание...

Мы знакомы с Евгением Дмитриевичем уже довольно давно. Я видел его и «на коне», в период пика популярности, когда он выступал с концертами в лучших залах бывшего Союза, и тогда, когда он с головой ушел в политику, став народным депутатом СССР, и потом, когда распался Союз, кончилось депутатство и наступил затяжной творческий кризис композитора.

— Я не жалею о своем временном погружении в политику, — говорит Дога, — пусть мне это и стоило многого и как человеку, и как композитору. Что делать, если время было такое, когда говорить от имени народа о главном доверялось самым известным людям. Мы и говорили. После одного моего выступления о проблемах и истинной истории моего народа на меня обрушилось столько гнева, угроз, проклятий, сколько я не переживал до этого никогда в жизни. Но и поддержку получил грандиозную. А самое главное, я убежден, что мы, первые депутаты — политики новой волны, сумели стронуть с места устоявшиеся ложные представления об истории, взаимоотношениях, перспективах, правах народов, населяющих великую страну.

Люди искусства, оказавшиеся в политике, подобно Евгению Доге, были, конечно, романтиками. И потому были обречены на сильнейшее разочарование. Что и случилось. Они хотели демократии, хотели восстановления достоинства личности и наций, но их усилиями и авторитетами воспользовались профессиональные интриганы, извратившие высокие цели и использовавшие романтиков как средства для достижений меркантильных. Тот же Дога, желая бла-

га Молдавии, не желал, разумеется, распада всех экономических и культурных связей республик бывшего Союза.

Как сам себя судит сегодня Евгений Дога? Он считает, что рас-

ЕВГЕНИЙ ДОГА В ЭПОХУ БЕЗДОМНОГО ВАЛЬСА

считался за свое политическое прошлое spolна.

— Я не думал, что, объявив себя молдаванином-патриотом, перестану быть россиянином, и что, оставшись в Москве, перестану быть своим для Молдавии. Любой из этих вариантов для меня неприемлем. Я — художник. Для меня Родина — мир, для моей музыки аудитория — люди всех национальностей. Но вышло так, что меня пытаются разделить, разорвать. Теперь-то я понимаю, что музыка гораздо сильнее политики. Только она может что-то улучшить в человеке. Только она у меня и осталась.

Дога долго не мог потом вернуться в музыку. Сначала не позволяли настроения, потом обстоятельства. Он вдруг увидел, что в искусстве за время его отсутствия возобладало коммерческое начало. Его работа с серьезной музыкой, с детьми не находила спроса. Никто не предлагал концертов, не делал заказов. А те заказы, что были, аннулировались за отсутствием у заказчиков средств. Так случилось, в частности, со вторым балетом Доги, который заказывал один из театров, но потом отказался из-за безденежья.

Вернувшийся в музыку композитор увидел, что жизнь стала навскось политизированной. В родной Молдавии его творчество оказалось ненужным. В Кишиневе его воспринимали как человека из российского центра. В Москве — как молдавского композитора, которого нужно снять со всяческого довольствия. Он не находил

источников для вдохновения в этой неясной, беспокойной жизни.

Было тревожно-томительно, как в его вальсе. Но все-таки наступило новое для композитора настроение, ощущение преодоления политики и сиюминутности. Он снова стал писать. И вновь возник спрос на его творчество.

Прежде всего востребовало композитора кино. После фильма «По Муромской дорожке» он продолжил работу с тем же ре-

жиссером Федором Петрухиным над семисерийным фильмом «Нострадамус» — о загадочном пророке XVI века. Для композитора эта работа интересна прежде всего тем, что пришлось соприкасаться с музыкальной культурой разных народов и времен, ведь профиль главного героя, как вполне понятно, обращен к жизни многих поколений, эпох, культур.

Еще одна свежая работа — с режиссером Василием Паниным в фильме «Бульварный роман» (рабочее название) по роману Валентина Пикуля «Ступай и не грешь».

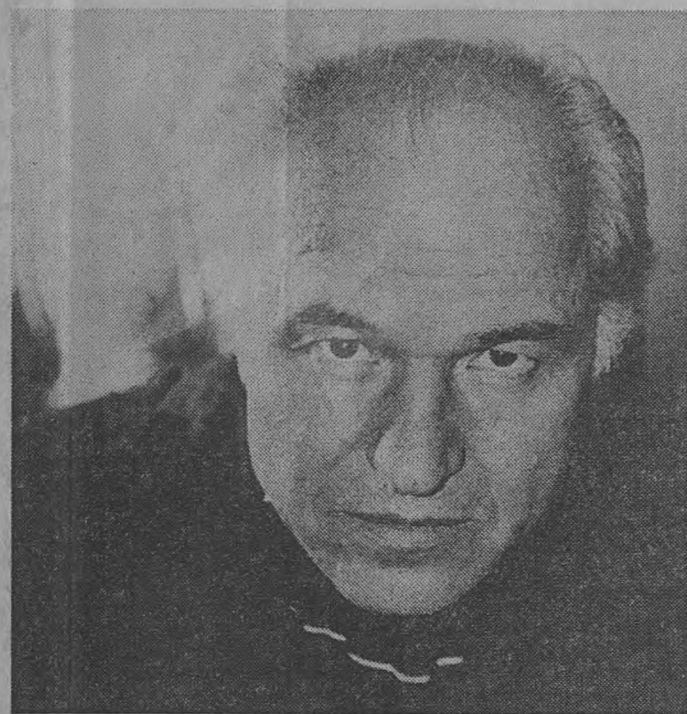
Киномузыка захлестнула Догу. Появилась возможность выбирать самое интересное:

— Таким стало для меня, — говорит он, — сотрудничество с западногерманскими кинематографистами. Моника Тойбер, бывшая голливудская актриса, взялась поставить фильм на достаточно необычном для западного кино материале. По айтматовской «Джамиле». Музыку предложила написать мне. Сотрудничество оказалось удачным. Теперь начинаются съемки ее же фильма по мотивам повестей Тургенева о любви. Музыка вновь заказана мне.

Это только основные кинопроекты. Дога нарахват у кинематографистов. Число фильмов, к которым он писал музыку, достигло 177. Правда, далеко не все фильмы, в которых звучит музыка Доги, мы можем увидеть: прокат диктует свои законы.

Тревожит композитора и другое:

— Я продолжаю заниматься и

симфонической музыкой, есть идеи хороших песен, нового балета. Однако музыкальный рынок сегодня своеобразен, — говорит Дога, — и я убежден: он — одноклоб. Сначала была политизация песенного репертуара в ущерб качеству, теперь — убогость в угоду популярности. Я не о том, что песня не должна быть популярной, но ведь всем и во всем мире известно, что вкус можно воспитывать с помощью грамотных продюсеров, заботы общества об уровне музыкальной культуры аудитории. У нас этого ныне нет. Так называемая «попса» заполонила сейчас и концертные площадки, и телевидение, все и вся. Критерий «это нравится публике» не бесспорен. Мы сводим уровень аудитории до примитива, если взглянуть профессионально на большинство шлягеров. Многие их авторы талантливы, но малообразованно музыкально. Плохо это или нет? Я уверен: плохо. Был «черный квадрат», но вначале было умение рисовать предметно и похоже — человека, лошадь, дерево, было мастерство. Многие же из нынешних кумиров не умеют элементарного. Это не так безобидно, как может показаться. В сознание масс вдалбливается примитив, причем воинствующий. Им достаточно музыки, которую я называю «умца-умца». Целое поколение может вырасти на этом.

Но может быть, и сам Дога, и его профессиональные коллеги в этом виноваты, что не предлагают высокохудожественных шлягеров,

если вообще это словосочетание имеет право существовать. Дога соглашался, но при этом аргументировал тем, что сейчас продюсеры ставят на «быстрые деньги», как и в торговле, то есть — на песни, которые можно быстро раскрутить, сорвать куш и выбросить...

Были в последнее время у Доги два концерта — в Кишиневе и Москве — в Колонном зале, оба при переполненных аудиториях — значит есть на его музыку спрос, потребность в ней. Помогли спонсоры, Министерство культуры, которые организовали концерты. Но чтобы чаще были такие концерты, организаторов должен искать сам композитор. Слушатели, получается, обделены.

Евгений Дога живет и работает в Москве в небольшой квартире, которую в свое время получил как депутат Союза. Чтобы продолжать свою творческую деятельность в России и для России, он должен теперь как бывший политический деятель упорядочить свои отношения с институтом прописки. Дога давно уже не политик. У него в жизни осталась только музыка. Любимый город, полагал бы я, счел бы за честь, чтобы такой композитор жил именно там и творил.

У нас нынче не так. Что божь, что политический авантюрист, что талантливый музыкант — для чиновников все едино...

Фото
Михаила СЕРДЮКОВА,
«Собеседник».